Дружинин А.В.

Интермедия между первой и второй частью «Заметок петербургского туриста», или «Летняя поездка господ Лызгачева, Буйновидова и Брандахлыстова к российским литературным знаменитостям» (по впечатлениям от поездки в Спасское - Лутавиново летом 1855 г.)

... Между тем в большой гостиной Ивана Сергеевича, в окрестности огромного дивана, обитого зеленой материей, происходила сцена замечательная и послужившая началом турнира, еще более достойного внимания. Андрей Кондратьевич Брандахлыстов, до обеда игравший в бильярд с каждым из нас, и оказавшийся слабей всех по бильярдному искусству, издевался надо всем собранием, говорил, что ни один из нас не достоин взять кий в руки, и закончил свою речь вызовом на новый бой, обещав дать сопернику второй шар и сорок восемь вперед. Самонадеянность его, несокрушимая никакими доводами, сперва всех увеселяла, а потом повергла в некоторое негодование. «Повторяю вам, господа», – кричал Брандахлыстов, – «что вы все не умеете попасть в шар. Я только испытывал до сих пор ваши силы, и к тому же солнце било мне в глаза во время игры. Моим ударам дивился английский клуб. Я едва ли не первый игрок в России. Кто хочет быть пораженным, тот – выступай и бери сорок восемь вперед. Партия идет по пяти целковым».

В это время с противоположного дивана восстала величественная фигура Буйновидова, до этой минуты лежавшего и наблюдавшего за тем, как мухи ходили по его лицу, рукам и обнаженной груди, производя своими лапками щекотание, не лишенное приятности после обеда. «Остановись, Андрей Кондратьевич», – сказал он посреди общего молчания, – «твое хвастовство не совместно ни с качествами души твоей, ни с твоим образованием. Я молю судьбу, чтоб она достойно тебя наказала».
«Отправляйся лучше заснуть после обеда», – презрительно вымолвил новый Ахиллес бильярда.
«Нет, я не пойду спать», – сказал пустынник, – «я буду следить за игрой, и в случае проигрыша приготовлю тебе примерное наказание.

Все устремились в бильярдную, наполненные смутным ожиданием. Партия началась, Иван Сергеевич принял вызов Брандахлыстова и должен был, против своего желания, взять сорок восемь вперед.
«Самонадеянность Брандахлыстова невыносима», – сказали Лызгачев и все литераторы, кроме хозяина.

Андрей Кондратьевич словно тешился нашим неодобрением, *il se drapait dans son impopularité*, как говорили когда-то про Гизо. «Как вы держите кий, Иван Сергеевич», – вымолвил он, подсмеиваясь, – «уж лучше бы вам играть не кием, а палкою!»
Тут обладатель села Спасского сам возгорелся негодованием. «Хорошо же», – сказал он, – «если я не достоин брать в руки кия, то стану играть палкою!

Посмотрим – кто одолеет...», и он взял у Василия Петровича его походный посох, простую палку с медным наконечником, палку даже сделанную не из дерева, а из тонких кожаных ремешков, искусно переплетенных и сплоченных.
«Я вам советую взять вперед еще одиннадцать очков», – иронически сказал Брандахлыстов и сделал дуплет – на пол аршина от лузы.
«Довольно и сорока восьми», – ответил Иван Сергеевич и положил красного в угловую лузу.
Андрей Кондратьевич стукнул по всем шарам так, что они забегали, закрутились, и два из них упали в лузу.
«Это – бессовестные фуксы!», – воскликнули все зрители.
«Тончайший расчет!», – возразил Брандахлыстов и вслед затем положил на себя.
«Пятьдесят шесть и двадцать один», – произнес Буйновидов, трепеща от ожидания.
Иван Сергеевич стоял под желтым – срезать лакомый шар было бы легко с помощью кия, но палкой – другое дело. Он промахнулся, а Андрей Кондратьевич сделал еще гусара.
«Двадцать семь и пятьдесят шесть», – прерывающимся голосом произнес Буйновидов, – «Иван Сергеевич, возьмите кий – бросьте палку!...»

Единодушные рукоплескания всех зрителей прервали его речь. Хозяин напряг все свои силы, прицелился палкой, срезал красного и дал карамболь по другому красному шару. «Ура!», – закричали все, – «самонадеянный боец достойно наказан».
«Смешное дело!», – сказал Брандахлыстов небрежно, – «мог ли я играть со старанием, видя, что у противника не кий, а палка в руках?»
«Вы сами же его вызвали», – возразил Василий Петрович, – «вы же предложили ему играть палкой. Так похваляться нельзя! Это не делают игроки, которыми дивился английский клуб! Этого делать нельзя, – нельзя!»
«А не хотите ли вы со мной сразиться?», – сказал ему Брандахлыстов, – «дам пятьдесят вперед и по десяти рублей партия!»

В это время в бильярдную вошел Петр Петрович Буйновидов, стремительно пробежавший в кабинет хозяина тотчас по окончании оригинальной партии. На лице его изображалась крайняя торжественность, соединенная с мрачной печалью; казалось, он готовился выполнить какую-то тяжкую, но спасительную обязанность. В руках он держал огромный лист голландской бумаги, на листе красовались какие-то строки, выписанные крупно. «Андрей Кондратьевич», – важно сказал он, обратясь к пораженному герою бильярда, – «я сказал при начале игры, что твоя самонадеянность имеет быть примерно наказана. Пусть отдаленные поколения помнят этот день и казнят твое хвастовство должной казнью. Читайте этот лист господа. Мне тяжко исполнять свой долг, но я помню, что Брут осудил на смерть своего родного сына.» И сумрачный мизантроп поднял вверх свой лист бумаги, и четырьмя булавками прикрепил его к самому высокому шкафу, занимавшему виднейшее место в зале. Мы подняли глаза и прочли следующее.

1855-го года, Мая 13-го, в селе Спасском, в сей самой комнате
Андрей Брандахлыстов,
называвший себя первым бильярдным игроком в России,
был обыгран на бильярде хозяином сего дома,
имевшим в руках не кий,
а
простую палку.
Прохожий! пусть сей пример послужит тебе целебным
бальзамом, и спасет тебя от хвастовства
и
Самонадеянности.

Надо было видеть – с каким огорченным, важным, горделивым видом прикалывал Буйновидов эту бумагу к шкафу! С него можно было рисовать Катона или, по крайней мере, Тимона – афинянина!

С этого вечера Петр Петрович Буйновидов стал общим любимцем, а Брандахлыстов перенес свои подвиги в ту часть сада, где стояли кегли. Всякий день приходилось вытачивать новый запас кегель – ни одна партия не выдерживала его ударов!

Между тем в тихих покоях Ивана Ивановича, в скромном
сером домике своего отчего своего матерей, происходила уже
совершенная и полная начатая фигура еще тоже дру-
гого внимания. Видя Екатерины Ивановны, то опять
пропадает в глубине их гардеробных комнат и показывается
частей всех по тщательному осмотру, которыми надо было
исправить, говорит что ни одна из них не достойна быть
на ней, а заключает свою речь вызовом на новый от-
ыскать. Вот сторону второй шаф и сорок восемь
Самохвалова, неподвижных никаких добродетелей служа
всех удивила а потом повергла в несмотрое негодование. Вот
первый вам, говорит' прибавляет' что вы не уважаете
носить в шаф. Я могла исполнить до сих пор вашим
силы и из могу сказать что лишь в глаза бросаю шаф.
Можно Дворяне Ивановы отличной вкуса. Я сама не мотыльки
нарядов в Москве. Кто хочется иметь порядочных, пусть вы
спрячет и три сорок восемь видов. Нарядов имеем не новы
фасонов'.

В это время в противоположного домика выходит высокая
дама фигура Бутыновского, до тех пор скрывшая нарядов
и занятая за жизнь хаос шкуры, полным по его шкуры
Дрожь и отвращение, уравнял своими лапами выражение
не лишенное приятности своих отцов. Отмахнувшись, сверкнув
Конфиденций' сказал он перед отцом мочалка Ивановичем и
обнимает на и целовать Дуни тебя, не ее тоже отдыхает.
А мою судьбу знает она достойна моих желаний.

Отправились лучше посмотреть новый дворец, — прекрасное выстроенное место. Ужинали отлично.

Нет, я не пойду спать, сказала будительница, я буду сидеть на дворе, и в случае пожарной, приготовлю тебя прежнее наше место.

Все отправились в столовую, напоминая случаи одинаковые Парнаса начальник. Иван Орехов приказал вызвать Грандаковского и дабы тем прогнать свою дремоту, выпить сорок бочек водки.

Самозванец Грандаковский появился! сказал Абрамов а без Петергофа, кроме новости.

Скажи Кондратьевич слово нашим хозяевам, — не будет ли [illegible] что он impopularité, как говорят про Тихо. Как бы будучи, Иван Орехов вмешался без подсказки — дуй лучше от всех шарить палкой.

Пусть отгадают мои. Сначала мы выпили здоровье. Скорее же, сказал он — если я не выстрелю прямо в дуру, то стану шарить палкой. Посмотрим кто обгонит... и вот Иван у Василия Петровича его находит палок, прямую палку с изогнутой наконечником, палку Бога не из дерева отгадую, а из тонких гороховых растений, шкуры перемотанных и отмоченных.

Я вашу совершую выпить вперед еще отгадывать очередь. сказал Грандаковский и Иван Орехов — не мы дрянка от суда.

Вовсе и сорока выли выпили Иван Орехов и подняли крахало в угловую дуру

Сидра Кондратьевич слушая по всем шарам, так что они затаили, замутились и два из них упали в дуру

Это большое дружба. Вскинули все дружно

Поздравляем разбить. Выразили Грандаковский и всех

за моих которых на свѣтъ.

Кендзиотъ мститъ и Кандзиотъ своихъ прикащиковъ бранными словами отъ обидчиковъ.

Иванъ Грозный сидѣлъ подъ раскидистымъ дубомъ — грызетъ лакомый кусокъ бѣлаго хлѣба и ожидаетъ ихъ, не спѣшитъ. Другое блюдо передъ прикащикомъ а Шайка Кандзиотовъ сидитъ еще чудесъ.

Вдругъ онъ и потребовалъ мстить прерѣшающимъ горькимъ прикащикамъ бѣшенствомъ — Иванъ Грозный, бывшие кто — грабьте пану!..

Кандзиотовцы бросились всѣхъ грозной шайкой на фольв. на свои жертвы всѣ свои силы, прищурились палкой, грозятъ красного и даже порываетъ по другому красному шару. Ура! закричали всѣ — самозванцы вѣдь вытащо колесо!

— Вытаще кло! сказалъ Кандзиотовъ потерпѣ — мы ли з шрамъ и старанемъ вѣдь что у прикащикомъ не ни а палка в рукахъ!

— Въ сами ж со бывали — возразилъ Кандзиотовъ — Ка же убѣдорим ему шрамъ палкою. Мы повсѣдовали вмѣстѣ много на Хлѣбомъ шрамъ (много Хлѣбъ шрамъ — палка!)

— А не сомнѣ ли въ то — мстить грозный! сказалъ ему Кандзиотовъ — дамъ ненавидѣлъ вперѣдъ а бо всѣмъ рубѣ нерпис!"

Въ это время в интересную вашей Кемпъ Кемповой бушевалъ отдаленный прокатовый в настоящъ сказано мозгъ по выговорамъ оппозиционной партіи. На лицѣ его изобразилась страшная мефистофелевская, соединенная съ прежней печалью, казалось онъ готовъ выполнить гадо то нѣкрасо, но насильнѣйшую отказываетъ. В душѣ его бурно отомстить мстить гомерической бумаги, на мстить грамотовъ какъ то сорвати Кемпомъ грубо. Шайка Кандзиотовъ бурно

[illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible] [